

Л. ВАКСМАН

ны отделения для приема и консультаций, стационар и реабилитационное отделение на озере Балтым. Этот комплекс позволяет добиться в лечении хороших результатов.

В 2001 году директор Уральского НИИ дерматовенерологии и иммунопатологии Минздрава России Николай Васильевич Кунгуров, мой лучший ученик, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Российской Федерации, предложил мне вернуться в институт, и на должность ведущего научного сотрудника. Это полностью совпадало с моим желанием! По моей рекомендации руководство НПЦ было передано деятельной и энергичной Инге Альбертовне Плотниковой, которая в ближайшее время будет защищать докторскую диссертацию. По прошествии десяти лет все больше убеждаюсь, что не ошиблась в выборе. Центр работает очень хорошо, я же, чем могу, помогаю.

— Как нетрудно догадаться, сейчас вы находитесь на новой ступени жизни. И каково вам?

— Мне интересно. Я член двух ученых советов. Много времени уделяю обучению ординаторов и интернов. Куррирую детскую дерматологию, в частности детское отделение на 70 коек. Веду прием больных и консультирую. Я всегда делаю и делаю для любого обратившегося ко мне за помощью человека все, что могу. А если это делать по обязанности за деньги, чувствую себя некомфортно, это не способствует установлению доверительного контакта с пациентами или с родителями маленьких детей. Словом, я очень довольна тем, что между мною и больными деньги не стоят.

Есть у меня задумка. Более 30 лет я веду журналы консультирования больных и результатов их лечения. Прослежены результаты лечения больных, особенно при редко встречающихся дерматозах вплоть до третьего поколения. Подобных наблюдений в мировой литературе не так много. Надо ликвидировать этот пробел, ведь у меня скопился огромный, на мой взгляд, очень ценный клинический материал, который хочется проанализировать и опубликовать.

— В заключение, Нина Петровна, — об уроках жизни, о которых речь шла в вашем юбилейном докладе «Ступени и уроки жизни». Журнальных страниц для всех уроков не хватит, поэтому назовите самые важные для вас.

— Главное — любить людей и создавать вокруг себя пространство любви. В жизни нужно стараться быть оптимистом и быть благодарным всем, кто дал тебе хотя бы капельку добра.

И еще. Самое святое в жизни — семья. У меня она сложилась не сразу и не просто. Первый брак распался. Зато второй оказался счастливым. Мой муж Вячеслав Яковлевич Бахтилин — тоже выпускник Свердловского медицинского института. Мы с ним дружно идем по жизни уже не один десяток лет. Он мой помощник и советчик во всех делах. В 2003 году мы обвенчались в Невьянске.

У меня двое сыновей, пять внуков, правнук и правнучка. Из всей семьи в медицину по стопам бабушки пошла Марина Торопова, дочь старшего сына Сергея. Она окончила Уральскую государственную медицинскую академию, сейчас в ординатуре нашего института, после чего будет дерматологом, что мне, разумеется, особенно приятно.

17 марта в актовом зале Областной клинической больницы № 1 состоялся концерт известного барда, лауреата множества фестивалей авторской песни Л. ВАКСМАНА и его друзей. Повод собраться — поздравить Леонида с 50-летием (вообще-то оно было в прошлом году, но только сейчас Ваксман смог вырваться в родной Екатеринбург из ставшего родным Кирьят Гата — небольшого городка в Израиле, где он живет с 1992 года). Леонид исполнил свои новые песни, а его друзья — старые, давно известные композиции. Всего в концерте было около полтора десятка участников.

Почему концерт известного барда прошел в больничных стенах? Да потому, что Ваксман — медик. Он окончил лечебный факультет СГМИ в 1982 году. Работал травматологом в Уралмашевской больнице, а затем в Свердловском врачебно-физкультурном диспансере.

Еще в студенческие годы он «не вылезал» из клуба самодеятельной песни во Дворце культуры металлургов при Верх-Исетском заводе. Был одним из организаторов ансамбля «Зеркало», для которого написал свои самые первые песенные тексты («Слушай, народ, песни шутов...»).

После института почти случайно попал врачом в стройотряд «Дедал» стройфака УПИ, где написал песню, ставшую лауреатом областного стройотрядовского фестиваля «Знаменка», — «Мы друг друга узнаём не по значкам...». На фестивалях в Знаменке сначала был неоднократным лауреатом, потом председателем жюри. Многие песни Леонида вошли в классику так называемой «щелинной» песни.

На его творчество большое влияние оказала свердловская поэтесса Майя Никулина, на стихи которой написаны многие песни, в том числе знаменитая «Ах, что это за музыка у входа?».

По-настоящему написанием песен Л. Ваксман занялся после знакомства с Дмитрием Воронковым — выпускником философского факультета УрГУ, ныне профессиональным сценаристом, живущим в Москве. Вместе ими написано около 30 песен, из которых самая известная — «Птенцы» («Как птенцы из гнезда мы выпали, ты не бойся прихода вечера...»). В большинстве совместных песен музыка Ваксмана, а стихи Воронкова, но есть и исключения, где текст Ваксмана, а музыка Воронкова.

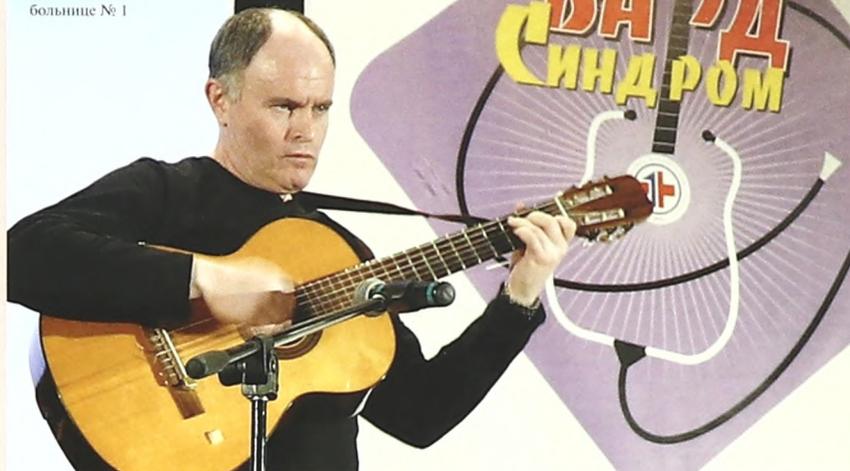
Позднее выпускник Свердловского «меда» заочно учился в Литературном институте, на семинаре прозы под руководством Феликса Кузнецова. Не закончил, так как поступил на сценарный факультет ВГИКа в мастерскую Киры Парамоновой и Исаия Кузнецова.

В театре «Садовое кольцо» режиссером Владимиром Аршанским была поставлена написанная Л. Ваксманом совместно с Сергеем Некипеловым, ныне живущим во Франции, пьеса «Отречение, или Не плюйте в Сталина».

...Его творчество любимо многими. Это еще раз подчеркнул тот факт, что зал в ОКБ № 1 был переполнен. Переполнен слушателями, песнями и воспоминаниями.

ВНОВЬ СОБРАЛ ДРУЗЕЙ

Леонид ВАКСМАН
на концерте
в Областной
клинической
больнице № 1

МЫ ДРУГ ДРУГА УЗНАЁМ НЕ ПО ЗНАЧКАМ...

Мы друг друга узнаём
не по значкам,
И нашивки на «целинках»
не нужны.
По домам, мои родные, по домам
От проклятой и любимой целины!

Привет:
Вот друг — ты его оставишь,
В дверь стук больше не услышишь.
Брось, друг, это не такая беда!
Здесь мы не жили и жили.
След рук на цементной пыли.
Вот дом. Мы его сложили тогда.

Наше зная захлестнулось
за флажок —
Не прочесть на кумаче
красивых слов.
Вышел срок, мои родные,
вышел срок.
Все, что было, остается
в виде снов.

Привет.
Нас встречает светом
залитый вокзал.
Марафон безликой
транспортной возни.
Кончен бал, мои родные,
кончен бал.
На прощание ладонь
в ладонь возьми.

И опять привычный гул
обычных дней.
Для других встает целинная заря.
Нам сентябрь подливает —
пей же, пей!
Только горькое вино у сентября.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ РОМАН

Отчего пустеют клетки
Ваших кукольных домов?
Отчего меняет ветер
направление дымов?
Отчего перрон вокзальный
представлен голубям?
Отчего патриархальный
город просто вне себя?

Городок патриархальный —
волчьи взгляды у мамаш.
Стройотряд, вполне легальный,
возбудил ажиотаж.
Кто с «целинкой», полной сливы,
кто в джинсах неуставных,
Так спокойно, так красиво
проплывают мимо них.

Стройотряд для зоны дальней —
что для Сфинкса царь Эдип.
Шепоток полуохлажденный
как релей к нему прилип.
Уже местные Монтаны
примеряют макияж,
Клипсы, джинсы и «бананы» —
ой, не сельский антураж!

Превращен был в танцплощадку
коммунальный наш спортзал.
Закопав окурки в калду,
комиссар наш приказал:
«Чтоб ни слова, ни полслова!
Только «здрасьте» и «мерси»!
Чтоб наутро каждый снова
мог копать, долбить, месить!»

Несмотря на шум и сплетни,
был объект закончен в срок.
В летний день и в месяц летний
покидали городок.

И трудов не жаль, а жалко
дел сердечных и хлопот —
Ждите нас, провинциалки,
мы вернемся через год!

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ГРИШАКОВА

На берегах Таватуя
Вечер ложится лениво,
На берегах Таватуя
Тихо тоскует струна.
Светит луна золотая
Лампой, повешенной криво,
И на болотистом пляже
Плещет негромко волна.

Так иногда подступает
Тихая эта минута,
Сами собою итоги
Встанут в невидимый строй,
От опостылевших буден
Станет тоскливо кому-то,
И никуда неохота,
А уж тем более домой.

Счет бесконечен потерям,
Кучно снаряды ложатся,
Не ощущает нехватки
В боеприпасах судьба.
Время все смоеет, забудут
Тех, кто ушел, домочадцы,
Как ни любили, а все же
Память людская слаба.

Все вернется на круги,
Только немного иначе,
Облако плугом распорет
С дальних краев караван.
Снова струна под рукою
Странною птицей заплачет,
На берегах Таватуя
Вновь молодая трава.

АХ, НЕ СТОИТ СТРАДАТЬ...

Ах, не стоит страдать,
Соловей мой тирольский,
Что твой рейтинг ничтожен
От глуши до Москвы.
Ну не выпало стать
Ни Берковским, ни Дольским,
Окуджавой — ну что же,
Высоцким — увы!

И кого ни спроси
И в верхах и в глубинке —
Шелкопера из СМИ,
Офицера ГАИ, —
Ни приемник в такси,
Ни вертак с вечеринки
Не разносят по миру
Шедевры твои.

Не видать как ушей
Переполненных полок
Книг, кассет и CD,
Заваливших страну,
Где для двух корешей
И их выцветших телок
Будешь выть до седин
Ты как волк на луну.

Ах, как хочется спеть,
Чтоб заквакали жабы,
Мошью всею, зазря
Уходящей в песок,
Чтобы в вечность успеть
Не войти — так хотя бы
Зашвырнуть в нее грязи
Весомый кусок.

Чтобы каждый бастард
В гневе неизмеримом,
Не дослушав, исторг:
«Ах, срази меня бог!
Этот долбаный бард
Просто спи...дил, наверно,
То, что сам бы смог
Написать, если б смог!»

ВИЖУ — МАХА НА БАЛКОНЕ...

Вижу — маха на балконе.
Ну и маха! Что за мах!
Но в душе, как в бадминтоне,
Нет замаха, нет замаха.

Я прошел спокойно мимо.
Маху спрятала гардина.
Вот какая пантомима
От нехватки пантокрина!

Тексты — с израильского
бардовского портала
www.israbard.net